

УДК 808.2-4

ББК 81.2-4 Ш5(2=Р)3/5-8Тургенев

Т.Г. Гарусина**АВТОРСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА
В ПИСЬМАХ И.С. ТУРГЕНЕВА**

Рассматривается авторская концепция и языковая картина мира в письмах И.С. Тургенева. Эпистолярный текст передает словесно выраженное знание внешнего мира. В письмах И.С. Тургенев стремится изобразить мир таким, каким он его видит через призму своего эпистолярного «Я».

Ключевые слова: *И.С. Тургенев, эпистолярное наследие, мировоззрение писателя, авторская концепция, языковая картина, философская концепция творчества, авторские идеи и ценности.*

Гарусина Татьяна Геннадьевна – аспирант кафедры русского языка МГТУ им. М.А. Шолохова

Тел.: 8-916-722-56-02

E-mail: Tat7581@yandex.ru

© Гарусина Т.Г., 2012.

Многоаспектная и многообразная современная лингвистика характеризуется «отчетливо выраженным антропоцентризмом. Человек как мыслящая и говорящая личность становится центром притяжения и точкой отчета во многих языковедческих исследованиях» [Колокольцева, с. 114], прежде всего рассматривающих языковую картину мира. Термин «картина мира» возник в физической науке применительно к физической картине мира, но в последнее время это выражение получило распространение в самых различных областях гуманитарных наук.

Языковая картина мира – «совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний» [Пименова, с. 5]; «это совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности, отраженное в значении языковых знаков – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [Попова, с. 54]; «зафиксированная в языке схема восприятия действительности» [Яковлева, с.16]; это «мировидение, отраженное в структуре языка, выявление которого стало в конце XX в. одной из главных целей семантического описания языка» [Кобозева, с. 23]; «целостный образ мира, создаваемый человеком в процессе его духовного развития. Этот процесс представляет собой субъективное восприятие объективной действительности человеком, который видит, создает, использует этот мир

в своей практической деятельности, в своих целях и интересах» [Ковалева, с. 57].

Понятие языковой картины мира представляет возможным рассмотрение соотношения языка и объективной действительности, ее отражение как сложного процесса интерпретации реального мира, в котором существует человек.

Лингвистика различает две картины мира – языковую и концептуальную. Концептуальная картина богаче языковой, так как в её образовании участвуют различные типы мышления: философское, эстетическое, этическое, логическое, психологическое и др. Язык связан с концептуальной картиной мира, он именуется её отдельные элементы и объясняет содержание.

В художественном произведении картина мира – это «не зеркальное отражение, и всегда есть некоторая интерпретация. Акты миропонимания осуществляются отдельными субъектами, а эти субъекты разительно отличаются друг от друга... Их контакты с миром всегда уникальны» [Постовалова, с. 29]. Картина мира отражает в себе своего творца, поэтому с этих позиций можно говорить о стилистике Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, И.С. Тургенева и других художников слова.

Авторская концепция – это собственно художественное мироотражение мастера слова, представляющее органическое единство его творчества. Создание авторской картины мира – глубоко творческий процесс, в котором постоянно обновляются предметы изображения. Каждый писатель использует особые средства построения образов, выработанные русской традицией, и свои специфические изобразительные средства.

Письма Ивана Сергеевича Тургенева занимают исключительное место в русской эпистолярной литературе по важности затрагиваемых проблем, по художественным особенностям. Они являются, с одной стороны, объектом культуры, а с другой – связаны с личностью писателя, со временем и местом написания, с конкретной ситуацией, вызвавшей написание того или иного письма. Образно эту связь охарактеризовал А. Тарковский: «Знает это художник или не знает, хочет он этого или нет, но если он художник подлинный, время – “обобщенное время”, эпоха наложит свою печать на его книги, не отпустит его гулять по свету в одиночку, как и он не отпустит эпоху, накрепко припечатает в своих тетрадах» [Тарковский, с. 87].

Эпистолярный текст передает словесно выраженное знание внешнего мира. В письмах Тургенев стремится изобразить вещи не только такими, какими их знают и слышат, но и представить мир поэтически, таким, каким он его видит через призму своего эпистолярного «Я». Лик писателя проступает в системе словесной организации его творчества через познание и оценку, отражая философские, психологические, эстетические и этические устои его духовной деятельности. Отбор языковых средств тесно связан с авторской концепцией, которую передает художник слова.

Картина мира писателя создается номинативными средствами языка (лексемами, устойчивыми номинациями), функциональными средствами языка (отбором лексики и фразеологии), составом коммуникативных средств для общения, образными средствами языка (национально-специфической образностью, метафорикой, переносными значениями, внутренней формой языковых единиц): *Пришлите-ка что-нибудь мне – я даю Вам слово, что скажу Вам самую суцую правду... Раньше “Недели” нигде не будет ни одной моей буквы напечатано... Посылаю Вам обратно прелестное радужное перо, выпавшее из хвоста милой нашей райской птицы* (А.Ф. Онегину, 4 июля 1873); *Оттиски “Стихотворений в прозе” еще не получены – хотя завтра они являются на суд... не сколько божий, сколько буренинский* (М.М. Стасюлевичу, 12 декабря 1882); *Ваши умные речи живительны для меня, подобно манне; сообщите мне также петербургские новости, сжимая их, по Вашему обычаю, в несколько сочных и приятных изречений* (П.В. Анненкову, 10 марта 1857); *И представьте себе, что это мне совершенно все равно – и нет такого выведенного яйца, которого я бы не пожалел за Ваше одобрение* (А.А. Фету, 7 августа 1867); *Досталось же мне ночью! Единороги, арапы, цари, солныцы, пирамиды, мечи, змеи вихрем крутились в моей бедной головушке; я сам попадал в эмблемы, сам “знаменовал” – освещался солнцем, повергался в мрак, сидел на дереве, сидел в яме, сидел в облаках, сидел на колокольне и со всем моим сиденьем, лежаньем, беганием и стоянием чуть не схватил горячки* (М.А. Бакунину и А.П. Ефремову, 15, 20 сентября 1840); *До меня дошли слухи, что Вы очень больны... Но Вы напрасно говорите о моем счастье: в черной руке калач бел, черная судьба завидна* (М.Н. Толстой, 6 января 1857); *Горек корень учения – но плоды его сладки* (И.П. Борису, 5 сентября 1869); *Я действительно не выслал вам фотографию? Я бы мог поклясться, что выслал. По-видимому, я непослушный пес* (Юлиану Шмидту, 6 октября 1876); *О Пиче, Пиче – этого я не мог ожидать от такого пронциательного человека, как Вы* (Людвигу Пичу, 11 мая 1871).

Особенность языковой картины мира заключается в том, что она отражает языковую личность, делает ведущей категорией «образ автора – концентрированное воплощение сути произведения» [Виноградов, с. 118]. Картина мира, моделируемая в письмах Тургенева, оказывается пропущенной через индивидуальное сознание автора, что определяет имплицитно или эксплицитно выраженное присутствие субъекта речи в анализируемых эпистолярных, и отличается по содержательности, образной системе, глубине проникновения в реальность, особенностям переосмысления мира.

В зависимости от ракурса восприятия и представления картины жизни, Тургенев предстает перед нами как автор-описатель, автор-повествователь, автор-критик, автор-ценитель, автор-интерпретатор событий. В письмах вырабатываются и обосновываются авторские идеи и ценности: *Настоящий поэт... не может не писать стихов, потому что он чувствует стихами* (Е.И. Рагозину, 15 октября 1875); *Без образности*

нет поэта, она дается столько же природой – сколько размышлениями (Е.И. Рагозину, 28 сентября 1875); *Что же до труда – то без него, без упорной работы всякий писатель или художник непременно остается дилетантом; нечего тут ждать так называемых благодатных минут, вдохновения; придет оно – тем лучше; а ты все-таки работай, да не только над своей вещью работать надо, над тем, чтобы она выражала именно то, что Вы хотели выразить, в той мере и в том виде, как вы этого хотели... Объективный писатель берет на себя большую ношу: нужно, чтобы его мышцы были крепки* (В.Л. Кигну, 28 июня 1876); *Я было совсем бросил литературу, да видно, это вроде запоя* (М.В. Авдееву, 6 февраля 1867); *Что же касается до критик – то я, грешный человек, питаю к ним довольно большое равнодушие, и не потому, чтобы я был убеждён, что они неправы: напротив, я почти всякий раз соглашаюсь с моим распекательством – но я слишком уже стар, чтобы переделать себя, те, которым я по вкусу, должны меня глотать вместе с моими грехами* (Я.П. Полонскому, 5 марта 1868).

Тургенев обладал истинным эстетическим мастерством писателя и талантом критика. И эту оценку таланта писателя-критика подтверждают его письма: *Я набросился на «Лесной уголок». Друг мой, этот штормовский продукт слаб, «клянусь в том нашей любовью!» – как поет Оттавио в «Д<он> – Жуане. Все неровно, необоснованно – ни одно из 3 действующих лиц не привлекает вас, даже собака, которая тоже выглядит несколько литературно – и позже намазывается, как масло* (Людвигу Пичу, 27 ноября 1874); *Комедию Писемского я принялся читать вслух и одолел только два акта – это очень дюжинная и топором сляпанная вещь. Я никак не в состоянии принудить себя читать «Однорога» – каким-то тяжким ужасом и напряжением скуки веет мне от него... Друзья мои, я собирался кое-что написать для вас, но я погрузился по уши в свой роман – и другого ничего не могу делать* (И.И. Панаеву и Н.А. Некрасову, 18 февраля 1853); *Флоберу, несомненно, было бы очень лестно увидеть в “Gegenwart” рецензию на его труд, написанную Вашим пером. Со своей стороны, я могу только сказать, что считаю “Tentation” в высшей мере замечательным произведением и надеюсь, что Вы разделяете это мое мнение* (Паулю Линдау, 2 апреля 1874); *Я считаю долгом посоветовать автору овладеть сперва языком, потом уже постараться вдуматься в характер и положения; в особенности умоляю его избегать, как чумы, описаний красот природы, которые невыносимы, если не превосходны – и во всяком случае должны быть как можно более кратки и сжаты. Литературное дело – весьма хлопотное и трудное; лучше во сто раз ничего не писать, чем писать посредственно и вяло... Вы не слишком посетуете на меня за мою откровенность* (А.В. Сорневой, 25 ноября 1871); *Вместо того, чтобы толковать о “шаткости” убеждений П.В. Анненкова, я бы посоветовал Вам прочесть – его классическую книгу об А.С. Пушкине, перед которым, и он, и я, мы благоговеем не меньше Вас, и уже больше того сукиного сына, который в “Русском вестнике” извергнул какую-то дрянную слюну по поводу этой мастерской монографии*

(А.А. Фету, 11 ноября 1874); *Получив последнюю (ноябрьскую) книжку “Отечественных записок” – я заглянул было в этот хаос: Боже, что за кислятина, и больничная вонь, и никому не нужное бормотанье, и психологическое напряжение!* (М.Е. Салтыкову, 7 декабря 1875); *Вообще говоря – все это не важно; некоторые из этих “Стихотворений” останутся, надеюсь, в памяти нескольких десятков читателей; надо всеми пройдет игривое перо Буренина и др. – “и река времени в своем теченье” унесет в лоно забвения эти легонькие листки* (Д.Г. Григоровичу, 3 декабря 1882); *Но стихотворения Щербины мне ещё менее по вкусу, чем стихи г-жи Павловой или Ростопчиной – это какой-то любострастный писк, который нам хотят выдать за античность!* (С.Т. Аксакову, 3 февраля 1853); *Я с великим наслаждением прочёл роман Толстого – хотя многим не совсем остался доволен. Но вся историческая сторона – извините за выражение – кукольная комедия. Но со всем тем – в этом романе столько красот первоклассных, такая жизненность, и правда, и свежесть – что нельзя не сознаться, что с появления “Войны и мира” – Толстой стал на первое место между всеми нашими современными писателями* (И.П. Борисову, 10 марта 1868); *Что сказать о фельетоне Гуцкова? Воздеть руки к небу, взывая о том, чтобы ни один злонамеренный француз не перевел своим соотечественникам эту небывалую смехотворную стряпню – потому что это вызвало бы торжество и ликование сверх всякой меры! О, что же за глупое создание человек – человек вообще!* (Людвигу Пичу, 11 июля 1873); *Русский писатель, ученик Пушкина, заочно поднимает заздравный кубок в честь польского поэта, сподвижника Мицкевича* (В.Д. Спасовичу, 27 сентября 1879).

Письма изобилуют развернутыми суждениями, отличающимися законченностью, обоснованностью и стилистической безукоризненностью: *До некоторой степени я имею право на Вашу память: я один из самых старинных и неизменных поклонников Вашего таланта. Книги Ваши я перечел с истинным наслаждением, как все, что выходит из под Вашего пера: Вы отмежевали себе в нашей словесности целую область, в которой Вы неоспоримый мастер и первый человек. Еще раз душевное спасибо* (М.Е. Салтыкову, 21 апреля 1873); *Возьмите Одиссею, хоть в переводе Фосса, и прочтите или перечтите её. Эта молодость и свежесть, эта словно вечно смеющимся солнцем озарённая жизнь – вся эта прелесть первого появления поэзии в устах бессмертного и счастливого народа* (С.А. Миллер, 24 октября 1853).

Иногда писатель дает оценку самому себе, несколько умаляя свою творческую гениальность: *Если, по Вашим словам, Вы испытывали волнение, когда писали ко мне – то и я должен сознаться, что не без некоторого смущения берусь за перо, чтобы отвечать Вам. Вы осыпаете меня похвалами, которые были бы под стать Шекспиру или Гете. Молодой Ваш энтузиазм, усиленный одиночеством деревенской жизни, возводит в идеал и окружает ореолом явление, довольно обыкновенное... я вовсе не гениальный писатель, как Вы выражаетесь – и никакой претензии на такой громкий титул не имею* (В.А. Цуриковой, 28 декабря 1872);

В заграничной журналистике действительно попадают иногда весьма лестные отзывы обо мне... Сказать, что это меня нисколько не трогает, было бы неправда; но было бы так же ложно уверять, что это меня очень потешает. Все это – “тень, бегущая от дыма”. За несколько недель молодости – самой глупой, изломанной, исковерканной, но молодости – отдал бы я не только мою репутацию, но славу действительного гения, если б я был им (Я.П. Полонскому, 5 марта 1873); Коли Пушкины и Гоголи трудились и переделывали десять раз свои вещи, так уж нам, маленьким людям, сам бог велел. А то придёт порядочная мысль в голову, поленишься обдумать её хорошенько да обделать как следует и выйдет какая-то смутная чепуха. Это со мной не раз случалось – и я дал себе слово впредь не позволять себе этого (С.Т. Аксакову, 15 августа 1855).

Отзывается, Тургенев в письмах и о молодых писателях – будущем России: *Таких молодых людей у нас немного – и должно заботиться о том, чтобы эти деревца выросли прямо, не покривились бы – и со временем давали бы тень и плод (Б.И. Чичерину, 9 сентября 1867).*

«Творческий метод Тургенева, его мастерство как художника слова нельзя понять, не изучив отношения писателя к философии, к эстетике, прекрасному в природе и обществе, к внутреннему миру человека.» [Пустовойт, с. 6]. Как глубокий художник, он не мог пройти мимо высшего, вечного в человеческой жизни, предлагая адресатам задуматься о судьбе Родины, смысле жизни, о счастье, долге и любви, молодости и старости. Оригинальность и мастерство Тургенева проявляются в умении создавать дополнительные неожиданные оттенки: *Я преимущественно реалист – и более всего интересуюсь живою правдою людской физиономии; ко всему сверхъестественному отношусь равнодушно, ни в какие абсолюты и системы не верю, люблю больше всего свободу – и, сколько могу судить, доступен поэзии. Все человеческое мне дорого (М.А. Милютиной, 6 марта 1875); Родина – как жена или мать. Иногда жутко от нее приходится – но ведь не расстанешься же с нею. Повторяю: в таких случаях надо встряхнуться, стиснуть зубы – и опять за работу (В.Н. Кашперову, 18 апреля 1863); Кто мне растолкует то отрадное чувство, которое всякий раз овладевает мною, когда я с высоты Висельной горы открываю Миценск? В этом зрелище нет ничего особенного пленительного – а мне весело. Это и есть чувство родины (И.П. Борисову, 23 декабря 1861); Когда вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу – родине поклонитесь, которую я уже, вероятно, никогда не увижу (Я.П. Полонскому, 30 мая 1882); Не думай, чтобы чувство одиночества, которое овладевает тобою, приходится испытать тебе одному: под старость все мы становимся более или менее одиночками – физически и нравственно – если у нас нет семьи или великой и разнообразной общественной деятельности... Этому горю пособить трудно. Но у тебя есть семья; есть друзья, хотя не многочисленные, но верные... с этим можно потихоньку брести назад. Пока пишется и поется – отчаиваться нечего. Даже и тогда, когда придется замолкнуть, не всему же конец (Я.П. Полонскому, 10 декабря 1873); Возможность пережить в самом*

себе смерть самого себя – есть, может быть, одно из самых несомненных доказательств бессмертия души (Е.Е. Ламберт, 20 января 1861); *Только в последнее совершенно бесплодное время я мог убедиться, что у меня был когда-то некоторый талант, талант в том смысле, что он создавал нечто, помимо собственной доброй воли, ибо когда у меня осталась одна добрая воля – то, несмотря на все усилия, ничего не выходит. Кажется, я должен закрыть лавочку* (Е.И. Рагозину, 11 сентября 1873); *Старость уже стучится в дверь – а стоишь один как перст и кругом все мертво и голо. Авось все перемелется и мука выйдет* (И.Ф. Миницкому, 18 марта 1857).

С одной стороны, Тургенева в определенной степени можно считать писателем-оптимистом, с другой – его взгляд на вечные проблемы – любовь, смерть, жизнь, как правило, трагичен и пессимистичен. «Думается, “истинный” Тургенев как раз и рождается во взаимопроникновении лирического, пушкинского светлого звучания, социально-исторического оптимизма и мрачной, порой даже зловещей, тоски и печали о бренности человеческого существования.» [Беляева, с. 7].

В своих произведениях писатель выступает как «тайный» психолог, используя для изображения чувств и настроений героев сопутствующее им лирическое звучание окружающего мира. Это мнение основывается на понимании психологизма самим Тургеневым, которое он сформулировал в письме к К.Н. Леонтьеву от 3 октября 1860 года: *Поэт должен быть психологом, но тайным: он должен знать и чувствовать корни явлений, но представляет только самые явления – в их рассвете или увядании.*

Философская концепция творчества излагается в письме И.С. Тургенева к М.А. Бакунину и А.П. Ефремову от 9 сентября 1840 г.: *Выработайте философское убеждение значит создать величайшее творение искусства, и философы – величайшие мастера и художники. Собственно, здесь искусство перестает быть искусством – оно растворяется в философии. Случалось ли тебе сорвать долгую ветвь камыша или распуколку розы, сдирать его скатанные оболочки и находить другие, все теснее скатанные, и с радостью доискиваться последнего, сокрытого зерна. Я в детстве часто трудился подобным образом и досадовал и задумывался, видя, что последние оболочки так тонки и нежны, что отодрать их невозможно. Вот образ философской системы. Но ты будь терпелив, дай расцвести цветку, и ты будешь любоваться его изящной формой, наслаждаться его запахом и перечтешь все его распутившиеся листики и тычинки.*

Становление Тургенева как писателя совпало с борьбой различных школ и течений, сам он принадлежал течению западников и постоянно спорил со славянофилами, что находит отражение в его переписке: *Я бросился с головою в “немецкое море” – и когда я, наконец, вынырнул из его волн – я все-таки очутился “западником” и остался им навсегда. Не помню, говорил ли я Вам о биографии Ф.И. Тютчева, написанной И.С. Аксаковым. Первая половина очень хороша – а там уж пошла славянофиль-*

ская политика и особенно религия – чушь сугубая (П.В. Анненкову, 29 октября 1874); Нет, западник я – и неисправимый; от одного упоминания о том, что “наш брат русак, однако...” и т.п., у меня под ложечкой сосет и внутренность щек наливается кислой водой тошноты (А.А. Фету, 2 сентября 1873); Я, Вы знаете, не славянофил и никогда им не буду; сочувствовать глубоко движению, охватившему всю Россию, уже потому не в состоянии, что оно исключительно религиозное, но силу и стихий громадность его признаю – и сам желаю войны, как единственного исхода из этого взволнованного мрака... Но, по последним известиям, кажется, этой спасительной войны не будет – и мы останемся опять на бобах (Е.А. Черкасской, 21 ноября 1876).

Знание творческой судьбы И.С. Тургенева, времени и ситуации написания писем, отзывы современников о писателе помогают читателю понять глубинный философский смысл его эпистолярного наследия, ведь в его письмах соединены социальное и онтологическое, вечное и земное, конкретное и историческое. Его письма связаны с эпохой, отвечают духу времени, а с другой стороны, ставят перед адресатами важные философские вопросы, подчеркивая их многомерность и противоречивость.

В речевой структуре письма отражается самосознание художника слова, в котором проявляется и субъективная избирательность к предмету описания и объективность усвоения отражаемого содержания. В самосознании фокусируются отличительные черты писателя как субъекта своей художественной деятельности; в письме он обладает свободой выбора своего отношения к изображаемому, а также свободой выбора своего речевого поведения.

Авторизованная картина мира – отражение концептуального взгляда на мир – представлена в письмах Тургенева двумя планами отображения: информацией об объективной действительности и ее семантической интерпретацией, которая указывает на ее восприятие и оценку реальности, а также и характер восприятия.

Таким образом, в письмах Иван Сергеевич Тургенев создает колоритные художественные образы, которые передают адресату ассоциации автора и помогают воссоздать воображаемую картину, и заставляет читателя взглянуть на вещи по мысли «образа автора».

Литература

- Беляева И. А. Творчество И.С. Тургенева: учеб. пособие. М., 2002.
Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.
Кобозева И.В. Лингвистическая семантика. М., 2000.
Ковалева Н.А. Авторское фразообразование и коммуникативная стратегия текста в письмах А.П. Чехова: монография. Астрахань, 2000.
Колокольцева Т.Н. Антропоцентризм диалога (коммуникативы в диалоге) // Вопросы стилистики. Вып. 28. Саратов, 1999.
Пименова М.В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику. Вып. 4. Кемерово, 2004.

Попова З.Д. Когнитивная лингвистика. М., 2007.

Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988.

Пустовойт П.Г. И. С. Тургенев-художник слова. М., 1987.

Тарковский А.А. О поэтическом языке // *Тарковский А.А.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. М., 1991.

Тургенев И.С. Письма в 13 томах // *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.: Л., 1961–1968.

Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М., 2006.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира. М., 1994.